

Генеральная Ассамблея

Пятьдесят седьмая сессия

Официальные отчеты

Distr.: General
1 November 2004
Russian
Original: English

Шестой комитет**Краткий отчет о 22-м заседании,**

состоявшемся в Центральных учреждениях, Нью-Йорк, в четверг, 31 октября 2002 года, в 10 ч. 00 м.

Председатель: г-н Прандлер (Венгрия)
затем: г-н Цельвегер (заместитель Председателя) (Швейцария)
затем: г-н Прандлер (Венгрия)

Содержание

Пункт 159 повестки дня: Доклад Специального комитета по Уставу Организации Объединенных Наций и усилению роли Организации
(*продолжение*)

Пункт 161 повестки дня: Сфера правовой защиты, предусмотренной Конвенцией о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала (*продолжение*)

Пункт 154 повестки дня: Конвенция о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности (*продолжение*)

Пункт 156 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят четвертой сессии (*продолжение*)

В настоящий отчет могут вноситься поправки. Поправки должны направляться за подписью одного из членов соответствующей делегации *в течение одной недели после даты издания* на имя начальника Секции редактирования официальных отчетов, комната DC2-750 (Chief, Official Records Editing Section, room DC2-750, 2 United Nations Plaza).

Поправки будут изданы после окончания сессии в отдельном для каждого комитета документе, содержащем только исправления.

Заседание открывается в 10 ч. 10 м.

Пункт 159 повестки дня: Доклад Специального комитета по Уставу Организации Объединенных Наций и усилению роли Организации (*продолжение*) (A/C.6/57/L.19)

Проект резолюции A/C.6/57/L.19

1. **Г-н Сами** (Египет), представляя проект резолюции, говорит, что в его основу положен текст, принятый в прошлом году. Добавлен новый пункт преамбулы, в котором отражена работа Специального комитета по Уставу Организации Объединенных Наций и усилению роли Организации по вопросу предотвращения и мирного урегулирования споров, и с этой же целью изменение внесено в пункт 3(с). Изменения также были внесены в пункт 3(b), с тем чтобы отразить необходимость продолжения Специальным комитетом работы над осуществлением положений Устава, связанных с помощью третьим государствам, пострадавшим в результате применения санкций. Авторы проекта надеются на принятие проекта резолюции консенсусом.

Пункт 161 повестки дня: Сфера правовой защиты, предусмотренной Конвенцией о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала (*продолжение*) (A/C.6/57/L.20)

Проект резолюции A/C.6/57/L.20

2. **Г-жа Геддис** (Новая Зеландия) представляет проект резолюции от имени его авторов, к числу которых присоединились Нидерланды. В основу проекта резолюции положена резолюция 56/89 Генеральной Ассамблеи, текст которой был доработан в целях отражения работы, проделанной Специальным комитетом по вопросу о сфере правовой защиты, предусмотренной Конвенцией о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала, в апреле 2002 года, а также обсуждений, состоявшихся на нынешней сессии. Она привлекает внимание к пунктам 4, 5, 6 и 8, а также говорит, что Специальный комитет вновь соберется 10–14 марта 2003 года. Авторы надеются на принятие проекта резолюции консенсусом.

Пункт 154 повестки дня: Конвенция о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности (*продолжение*) (A/C.6/57/L.21)

Проект резолюции A/C.6/57/L.21

3. **Председатель**, представляя проект резолюции от имени Бюро, говорит, что по сути дела он носит процедурный характер и отражает договоренность, достигнутую на неофициальных консультациях. Привлекая внимание к пункту 2, он говорит, что делегациям следует консультироваться друг с другом заблаговременно до созыва Специального комитета по юрисдикционным иммунитетам государств и их собственности.

4. Он предлагает Комитету принять решение по всем трем проектам резолюций на одном из следующих заседаний.

5. *Предложение принимается.*

Пункт 156 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят четвертой сессии (*продолжение*) (A/57/10 и Согг.1)

6. **Г-н Яковидес** (Кипр), останавливаясь на главе IV доклада Комиссии международного права (A/57/10 и Согг.1), отмечает, что в рассмотрении этой темы был достигнут существенный прогресс, который нашел свое отражение в подготовке значительного количества основных положений об оговорках и заявлениях о толковании и комментариев к ним. Его делегация с интересом ожидает завершения этого проекта. В связи с вопросом, заданным в отношении пункта 4 проекта основных положений 2.1.6 (A/57/10, пункт 26), он считает целесообразным предусмотреть возможность уведомления об оговорках к договорам по электронной почте или факсимильной связи, хотя и в этом случае потребовалось бы подтверждать оговорки в письменном виде.

7. В отношении главы V доклада он говорит, что стержневым принципом дипломатической защиты является принцип гражданства, т.е. связь между государством и его гражданами, находящимися за границей. Поэтому при подготовке проектов статей лучше всего ограничиться вопросами, относящимися к гражданству истцов и исчерпанию местных средств правовой защиты, с тем чтобы Комиссия могла завершить работу над этой темой в течение оставшейся части пятилетнего периода. Его делега

ция с удовлетворением отмечает текст проектов статей 1–7 и комментарии к ним, принятые Комиссией, и будет с интересом ожидать обсуждений и выводов Комиссии по другим предлагаемым проектам статей.

8. Его делегация склоняется к тому, чтобы признать, что Конвенция по морскому праву Организации Объединенных Наций 1982 года адекватно отражает вопросы, сформулированные в пункте 27 доклада. В связи с вопросами, сформулированными в пункте 28, его делегация выражает согласие с тем, что государство гражданства акционеров должно иметь право на дипломатическую защиту, как это было признано при рассмотрении дела «*Барселона трэкин*».

9. В отношении главы VI доклада мнения Комиссии разошлись, и вызывает сожаление тот факт, что лишь три государства ответили на вопросник, направленный правительствам в августе 2001 года. Его делегация разделяет мнение Специального докладчика, согласно которому односторонние акты существуют в международном праве и при соблюдении определенных условий их юридической силы должны рассматриваться как источник обязательств, о чем свидетельствует также практика Международного Суда. Резервируя свою позицию по вопросу о мнении, выраженном в пункте 422 доклада, согласно которому только решения, принятые на основании статей 41 и 42 Устава, должны приниматься во внимание, его делегация поддерживает обращенный к государствам-членам призыв Комиссии ответить на вопросник 2001 года, что будет способствовать усилиям по продвижению вперед работы над этой темой.

10. Обращаясь к главе VII доклада, он говорит, что эта тема, в том виде, в котором она в настоящее время формулируется, относится к ситуациям, в которых, несмотря на соблюдение государством своих обязательств, в результате опасных действий возникает существенный трансграничный ущерб, убытки от которого могут распределяться между различными субъектами по особым схемам или через механизмы страхования. Правильно указывается, что государства должны иметь разумную свободу действий для того, чтобы разрешать желательные виды деятельности на своей территории или в пределах своей юрисдикции или контроля, несмотря на возможность того, что такие действия могут привести к возникновению трансграничного ущерба; тем не

менее в равной мере справедливо и то, что при возникновении фактического ущерба государства должны предусматривать его возмещение в той или иной форме, например в виде компенсации. Поэтому нельзя допустить, чтобы невинные жертвы терпели ущерб без какого-либо возмещения. Его делегация в целом согласна с аргументами, изложенными в докладе Рабочей группы, и она предлагает Комиссии проанализировать работу, которая проводится под эгидой Постоянной Палаты Третейского Суда в Гааге.

11. В отношении новой темы ответственности международных организаций (A/57/10, глава VIII) он отмечает выводы соответствующей Рабочей группы. Остановившись на пункте 486 доклада, он говорит, что, по мнению его делегации, эффективный механизм урегулирования споров является обязательным условием эффективного функционирования правового режима ответственности государств и что это в равной мере относится к режиму ответственности международных организаций.

12. В отношении вопросов, содержащихся в пункте 31 доклада, его делегация предпочла бы, чтобы диапазон данной темы был ограничен вопросами, относящимися к ответственности за международно-противоправные деяния в рамках общего международного права, и чтобы исследование было ограничено межправительственными организациями, по крайней мере на его начальной стадии.

13. В главе IX доклада затрагиваются интересные и трудные вопросы, которые анализируются в докладе Исследовательской группы (A/57/10, пункты 495–513). Его делегация считает, что усиление фрагментации является естественным последствием расширения сферы охвата международного права, и выступает за рассмотрение этого вопроса Комиссией. Хотя данная тема не поддается кодификации, было бы более уместно рассмотреть ее в рамках серии исследований или семинаров. Его делегация одобряет включение в рекомендации Исследовательской группы вопроса об иерархии в международном праве. Действительно, концепция императивных норм, или *jus cogens*, требует авторитетного изучения; в этой связи он привлекает внимание к документу Комиссии A/CN.4/454, в котором содержится много информации на эту тему.

14. В заключение, останавливаясь на главе X доклада, его делегация указывает, что она будет с инте

ресом ожидать мнений соответствующей Рабочей группы. Делегация Кипра поддерживает позицию Комиссии по вопросу о вознаграждении. Она также приветствует деятельность, связанную с проведением ежегодного семинара по международному праву и традиционными обменов информации между Комиссией, Международным Судом и региональными консультативными организациями.

15. **Г-н Галицкий** (Польша) говорит, что две из четырех новых тем, рассмотренных в докладе, а именно международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом, и ответственности международных организаций, по сути дела не являются новыми, поскольку они представляют собой логическое продолжение работы Комиссии над темой предотвращения трансграничного ущерба и темой ответственности государств. Следует надеяться, что Комитету не придется ждать завершения работы над этими темами столь же долго, сколько он ожидал завершения работы над темой ответственности государств.

16. Его делегация разделяет мнение других делегаций о том, что включение в программу работы Комиссии темы фрагментации международного права выходит за рамки традиционного подхода к кодификации. Делегация Польшу полагает, что спектр этой темы не должен ограничиваться отрицательными последствиями фрагментации, а должен включать также возможные положительные результаты.

17. Проекты статей 12–16 о дипломатической защите вызвали в Комиссии оживленное обсуждение, и не все эти тексты были переданы Редакционному комитету; тем не менее их подготовка сыграла полезную роль с учетом перспективы разработки текста, приемлемого для всех членов Комиссии и — в будущем — всех государств.

18. У его делегации есть оговорки в отношении предложения о расширении сферы дипломатической защиты, в основу которой положен принцип гражданства, путем включения в нее членов экипажей морских и воздушных судов и космических летательных аппаратов, имеющих гражданство третьего государства; эта мера могла бы привести к ослаблению эффективности этих проектов статей, которые связаны со сложными политическими вопросами. Лица, относящиеся к этим категориям, не

должны быть лишены международной защиты, однако представляется, что было бы более безопасно и разумно применять в их отношении нормы морского, воздушного или космического права.

19. Аналогичным образом, позиция, занятая Международным Судом по делу «*Барселона трэкин*», имеет отношение сугубо к обеспечению дипломатической защиты в интересах коммерческой компании; она не может служить основанием для предоставления такой защиты акционерам государством их гражданства.

20. **Г-н Син Как Су** (Республика Корея), останавливаясь на статье 3 проекта статей о дипломатической защите, говорит, что в деле *Номтебома* Международный Суд не высказался за то, чтобы считать наличие эффективной связи между государством и его гражданином общеправовой нормой, а скорее указал, что оно является относительной нормой, применимой в конкретных ситуациях двойного гражданства, с которыми было связано это дело; это толкование было подтверждено в деле по *иску Флегенхаймера*.

21. Проект статьи 7 является важным вкладом в прогрессивное развитие международного права; он также одобряет приведенное в комментарии определение, согласно которому термин «беженец» шире дефиниции, содержащейся в Конвенции 1951 года о статусе беженцев и Протоколе к нему 1967 года, и должен также отражать статус лиц, которые в строгом смысле не являются беженцами.

22. Хотя клаузула Кальво (проект статьи 16) имеет важное историческое значение и по-прежнему в определенной мере используется в практике латиноамериканских государств, включать ее в проект статей нет никакой необходимости. Она представляет собой обычное договорное условие: никто не может отказаться от защиты со стороны своего государства, поскольку право на предоставление дипломатической защиты принадлежит государствам, а не физическим лицам. Кроме того, практическая полезность этой клаузулы уменьшается в условиях глобализации экономики, когда приоритетом большинства государств становится привлечение иностранных инвестиций.

23. Вопрос защиты членов экипажей, имеющих гражданство третьего государства, адекватно отражен в Конвенции по морскому праву 1982 года, и даже если бы это было не так, было бы предпочти

тельно решить этот вопрос в контексте одной из норм морского права, а не общих норм дипломатической защиты.

24. Решение по делу «*Барселона трэкин*» вызвало сомнения в отношении защищенности акционеров и привело к резкому увеличению количества двусторонних договоров об инвестициях, предусматривающих такую защиту. Таким образом, трудно представить себе ситуацию, в которой государству гражданства акционеров должно предоставляться право на осуществление дипломатической защиты. Кроме того, он не готов согласиться с тем, что такая защита должна предоставляться большинству акционеров компании государством их гражданства; такой подход мог бы вызвать проблему дискриминационного отношения к мелким акционерам, и было бы трудно установить количественный критерий для такого разграничения. Что касается вопроса о том, должно ли государство гражданства большинства акционеров компании иметь косвенное право на осуществление дипломатической защиты, если государство регистрации компании отказывается или не может предоставить такую защиту, то он находит исключительно затруднительным согласовать идею наличия такого права с дискреционными полномочиями государства регистрации компании.

25. **Г-н Абраам** (Франция) говорит, что критерий нанесения вреда гражданину государства, установленный в пункте 1 проекта статьи 1, является приемлемым, поскольку государство через посредство своего гражданина само понесло ущерб. Тем не менее термин «мера» представляется неопределенным и дискуссионным; дипломатическая защита — это не мера, а лишь возбуждение процедуры, с помощью которой иск, предъявленный физическим или юридическим лицом, превращается в объект правоотношений между двумя государствами.

26. В пункте 2 также поднимаются серьезные вопросы, поскольку утверждение, что дипломатическая защита может предоставляться лицу, не являющемуся гражданином, ставит под вопрос отраженную в пункте 1 идею, согласно которой государство несет ущерб только через вред, нанесенный его гражданину, вследствие чего происходит отход от традиционной концепции дипломатической защиты. Представляется преждевременным рассматривать этот весьма спорный вопрос уже в статье 1; кроме того, то, что в действительности предлагает

Комиссия, а именно распространение дипломатической защиты на беженцев и лиц без гражданства, никоим образом не основано на практике государств и, по сути дела, противоречит ей. Проект статьи 7 является прямым нарушением некоторых положений Конвенции о статусе беженцев.

27. Неприемлемым является и проект статьи 4 о непрерывном гражданстве. Указывая, что государство должно иметь возможность предъявить иск от имени лица, получившего гражданство этого государства в порядке, не противоречащем международному праву, Комиссия поставила под сомнение давно сложившуюся норму международного права, согласно которой при предоставлении дипломатической защиты государства утверждают свои собственные права, что подразумевает обязательность наличия у защищаемого лица гражданства этого государства во время совершения противоправного деяния. В проекте статьи 4, как и в предыдущих статьях, отражен подход, который зиждется на принципах прав человека, что, с его точки зрения, неуместно в контексте рассматриваемой темы. Было бы более полезным, если бы Комиссия сосредоточила свое внимание на условиях, дающих основание для оспаривания гражданства, или на условиях предоставления гражданства, а не стремилась установить связь с гражданством применительно к физическим и юридическим лицам, как это было сделано ею в пункте 2 статьи 3.

28. Проект статьи 6 представляется проблематичным. Лежащий в его основе принцип является приемлемым и широко применяется на практике; трудность обусловлена исключениями, связанными с двойным гражданством, когда гражданство одного государства преобладает над гражданством другого государства. Помимо затруднительности определения того, какое гражданство должно преобладать (и, следует отметить, Комиссия не предложила никаких критериев для вынесения таких решений), данная концепция прямо противоречит общему принципу, утверждаемому в этом же предложении. Даже если государство-ответчик и его гражданин имеют прочные социологические связи, иск государства-истца является приемлемым, если его фактические связи с данным лицом прочнее. На практике доктрина преобладающего гражданства применялась только после серьезных кризисов, когда было необходимо возмещать ущерб, понесенный национальными экономикой, путем разделения общего вреда в

рамках нескольких отдельных исков, однако такую ситуацию едва ли можно квалифицировать как дипломатическую защиту. Тот факт, что эту доктрину не поддерживают государства эмиграции, ставит под сомнение ее ценность в качестве общей нормы.

29. Специальный докладчик поднял вопрос о том, является ли норма, предусматривающая обязательность исчерпания местных средств правовой защиты, процедурной или существенной нормой. Сам оратор не видит смысла в таком разграничении и поэтому сомневается в его значимости; в любом случае эту проблему следует рассматривать в контексте всех проектов статей об исчерпании местных средств правовой защиты.

30. Можно было бы уточнить формулировку проекта статьи 14(a). Общий принцип, воплощенный в статье 14(b), представляется приемлемым; тем не менее, хотя возможность косвенного отказа от требования не следует отвергать на данном этапе работы, основное внимание следует уделить критериям и ясности намерения. Комиссия могла бы также рассмотреть возможность того, чтобы не распространять на эстоппель более широкую концепцию косвенного отказа, и в этом случае эстоппель не следует упоминать.

31. Хотя норму, воплощенную в проекте статьи 14(c) и (d), в целом можно обосновать, следует сопроводить ее четким определением понятия добровольной связи, поскольку отсутствие такой связи не может презюмироваться, а должно устанавливаться на основании конкретных критериев; должно быть очевидно, что общей нормой является исчерпание местных средств правовой защиты.

32. Понятие «необоснованная задержка» в проекте статьи 14(e) является слишком широким; следует четко указать, что исключение из общей нормы, предусматривающей исчерпание местных средств правовой защиты, может быть приемлемым, только если значительная продолжительность задержки делает ее равнозначной отказу в правосудии. В любом случае он не убежден в том, что вопросы, поднятые в статье 14(e) и (f), представляют собой конкретные категории; вероятно, чтобы отразить такие случаи, следует изменить формулировку статьи 14(a).

33. Включение проекта статьи 15 о бремени доказывания неоправданно, поскольку нормы, касающиеся доказывания, относятся к международному

процессуальному праву и не входят в спектр данной проблематики.

34. В заключение он отмечает, что формулировка проекта статьи 16 о клаузуле Кальво является неудовлетворительной, поскольку пункт 2 противоречит пункту 1. Кроме того, даже если допустить, что утверждение, содержащееся в пункте 1, является справедливым, оно не относится к сфере дипломатической защиты, поскольку оно никак не связано с межгосударственными отношениями.

35. Таким образом, в работе Комиссии по теме дипломатической защиты проявилась последовательная тенденция к включению элементов, выходящих за пределы данной темы; Комиссии следует ограничиться кодификацией относящейся к этой теме практики государств и вытекающих из такой практики обычно-правовых норм.

36. *Председательское место занимает заместитель Председателя г-н Целльвегер (Швейцария).*

37. **Г-н Яньес-Барнуэво** (Испания) говорит, что, поскольку проекты статей являются логическим продолжением работы Комиссии над темой «Ответственность государств за международно-противоправные деяния», он приветствует ее решение опираться в своих обсуждениях на установившуюся международную практику, разбирая новые проблемы и тенденции постольку, поскольку они не меняют структуры и общей направленности кодификационной работы. Основное внимание следует уделять «гражданству» выдвигаемых требований и исчерпанию внутренних средств правовой защиты. Насколько это возможно, Комиссии следует избегать отвлечения на такие области, как функциональная защита международными организациями своих должностных лиц, и на другие темы, которые лишь по касательной затрагивают тему «Дипломатическая защита» и могли бы отвлечь Комиссию от ее основной задачи либо помешать ей завершить свою работу над проектом статей в течение текущего пятилетнего периода.

38. Соглашаясь с общим содержанием проекта статьи 1, оратор говорит, что следует четко разграничивать дипломатическую защиту и защиту общую, которую государство всегда может обеспечить своим гражданам за рубежом в форме дипломатической или консульской помощи. Следует надеяться, что Комиссия вернется к рассмотрению данного вопроса при втором чтении проекта статей.

39. Оратор соглашается с тем, что осуществление дипломатической защиты является для государства гражданства не обязанностью, а правом — по крайней мере на международном уровне. Поэтому важно включить четкое определение связи, выражающейся в гражданстве, как неперменного условия осуществления такой защиты, и немногочисленных исключений из этого принципа в современном международном праве.

40. Испанская делегация в целом удовлетворена проектами статей 3–7 о гражданстве физических лиц в связи с вопросом о дипломатической защите, принятых Комиссией в предварительном порядке, при условии их некоторой корректировки. С учетом того значения, которое придается понятию приобретения гражданства государства-заявителя «способом, не противоречащим международному праву» в проектах статей 3 и 4, это понятие следовало бы дополнительно проработать в комментарии. Если Комиссия решит отказаться от критерия эффективной связи, который Международный Суд применил в деле Ноттебома для установления международных последствий гражданства, ей следует четко указать, что она предлагает использовать взамен. Понятие преобладающего гражданства, используемое в статье 6 «Множественное гражданство и требование, предъявляемое к государству гражданства», тоже следовало бы развернуть, желательно в самом тексте. Используя материал, уже приведенный в комментарии, испанская делегация предлагает добавить второй пункт примерно следующего содержания: «Для целей пункта 1 преобладающим гражданством считается гражданство государства, с которым у лица на указанный день была наиболее сильная эффективная связь».

41. Испанская делегация поддерживает проект статьи 7, посвященный дипломатической защите, оказываемой лицам без гражданства и беженцам государством законного и обычного проживания таких лиц, при условии соблюдения ограничений, предусмотренных в тексте. Данный момент представляет собой прогрессивное развитие международного права, причем полностью оправданное, опирающееся на прочное основание в международной практике и соответствующее с целями международной кодификации данной темы.

42. Что касается проекта статей, представленных Специальным докладчиком в его втором и третьем докладах Комиссии, то испанская делегация при-

ветствует новаторскую попытку разрешить традиционный спор о том, каков характер нормы, требующей исчерпать внутренние средства правовой защиты, прежде чем будет осуществляться дипломатическая защита: процедурный или материальный. Поэтому она сожалеет, что проекты статей 12 и 13 не были переданы Редакционному комитету, и выражает надежду, что приведенные в упомянутых докладах идеи смогут быть отражены в комментарии к проекту статьи 10, поскольку они проясняют некоторые моменты, которые по своему характеру нельзя назвать чисто теоретическими.

43. Что касается проекта статьи 14, в котором рассматриваются исключения из правила об исчерпании внутренних средств правовой защиты, то испанская делегация предпочитает для подпункта (а) вариант 3, где исключение, основывающееся на бесполезности, сформулировано следующим образом: внутренние средства правовой защиты «не обеспечивают никакой разумной возможности добиться эффективного восстановления нарушенных прав» (при этом формулировку в испанском тексте можно было бы улучшить). Что касается предусмотренного в подпункте (b) отказа от требования об исчерпании внутренних средств правовой защиты, то испанская делегация разделяет мнение о том, что такой отказ должен быть ясно выраженным. Хотя подразумеваемый отказ тоже возможен, поспешно допускать его наличие не следует; то же относится и к эстоппелю. Что касается подпунктов (c) и (d), то ни в практике, ни в юриспруденции, ни в юридической литературе нет явных оснований для того, чтобы предусматривать исключения, опирающиеся на факт отсутствия добровольной связи или территориальной юрисдикции; эти вопросы лучше было бы разобрать в комментарии к статье 14. Предусмотренное в подпункте (e) исключение, основывающееся на факте необоснованной задержки, уместно перенести в подпункт (a) — с соответствующими редакционными изменениями. Что касается последнего исключения, которое предусматривается в подпункте (f) и основывается на факте отказа в доступе, то можно считать, что оно уже подразумевается в подпункте (a), где говорится об отсутствии разумной возможности добиться эффективного восстановления нарушенных прав, и отдельно формулировать его нет необходимости.

44. Проект статьи 15, касающийся бремени доказывания в вопросах, касающихся исчерпания внут

ренных средств правовой защиты, интересен, но носит излишне процедурный характер. Испанская делегация предпочла бы обойтись в проектах статей без него, за исключением, пожалуй, отражения его содержания в заключительном разделе, посвященном тому, как следует осуществлять дипломатическую защиту.

45. Хотя клаузула Кальво, несомненно, занимает важное место в практике латиноамериканских государств, она несовместима с традиционным представлением о дипломатической защите как о праве или прерогативе государства. Согласно такому представлению, которое разделяет и Испания, от дипломатической защиты может отказаться только государство, а не лицо. Поэтому испанская делегация поддерживает позицию, согласно которой проект статьи 16 не следует включать в проекты статей, однако она считает, что этот вопрос можно было бы обсудить в комментариях.

46. Что касается направленных Комиссией правительствам вопросов, касающихся дипломатической защиты членов экипажа морского судна и акционеров компании, то испанская делегация считает, что норм, изложенных в Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву, достаточно для того, чтобы обеспечить дипломатической защитой членов экипажа, не являющихся гражданами государства флага, и выступает против разбора этого вопроса в проектах статей. Аналогичные аргументы относятся и к вопросу об экипажах воздушных судов и космических аппаратов. Тщательного изучения с опорой на изучение практики требует вопрос о дипломатической защите акционеров. Решение по делу о компании «Барселона трэксн» отражает нынешнее состояние международного права и в достаточной степени покрывает различные возможные ситуации. Кроме того, в условиях глобализации во всем мире, когда акции в той или иной компании могут по нескольку раз в день менять хозяев, концепция государства гражданства применительно к акционерам сопряжена с практическими трудностями.

47. *Председательское место занимает г-н Прандлер (Венгрия).*

48. **Г-н Мишель** (Швейцария) говорит, что с учетом насыщенной повестки дня, которую установила для себя Комиссия, и вопросов, поставленных ею в отношении своих методов работы и документации,

Комитету следовало бы поразмыслить над задачами и ресурсами Комиссии и над тем, как ей лучше всего удовлетворять нынешние запросы международного сообщества.

49. Что касается проектов статей 1–7 по теме «Дипломатическая защита», которые приняты Комиссией в предварительном порядке, то швейцарская делегация с удовлетворением отмечает, что в их нынешней форме в них подчеркивается дискреционный характер дипломатической защиты и необходимость эффективной связи между государством, осуществляющим дипломатическую защиту, и лицом, такую защиту получающим.

50. Швейцарская делегация согласна с подходом, примененным в отношении пункта 3 проекта статьи 7: государство не может осуществлять дипломатическую защиту беженца в отношении вреда, причиненного международно-противоправным деянием государства гражданства беженца. Вместе с тем она не согласна с мотивировкой, приводимой в пункте 10 комментария к этому проекту статьи, состоящей в том, что опасение «требований о принятии подобных мер со стороны беженцев может удерживать государства от приема беженцев». В большинстве случаев государства не свободны принимать или не принимать беженцев, а обязаны делать это по международному праву или национальному законодательству. Кроме того, в силу дискреционного характера осуществления дипломатической защиты беженцам нелегко оказывать давление на государство. Более удачной мотивировкой нормы, приводимой в пункте 3, является принцип «преобладающего гражданства», излагаемый в проекте статьи 6 в связи с вопросом о множественном гражданстве. Как представляется, преобладающей для беженца является его связь с государством его гражданства.

51. Что касается проектов статей, которые Комиссия рассматривала, но пока не утвердила, то проект статьи 10 в его нынешней редакции подразумевает, что правило об исчерпании внутренних средств правовой защиты применяется только тогда, когда государство намеревается выступить с международным требованием. Следует отметить, что понятие выступления государства с международным требованием отличается от более широкого понятия дипломатической защиты, которая в проекте статьи 1 определяется как состоящая из «дипломатических мер или применения других средств мирного урегулирования», а значит не только из мер судеб

ного характера. Правило об исчерпании внутренних средств правовой защиты крайне актуально для осуществления дипломатической защиты судебными средствами, однако является чрезмерным, если государство желает прибегнуть к средствам несудебным.

52. Применительно к проекту статьи 14 швейцарская делегация предпочитает для подпункта (а) вариант 3. Что касается подпункта (b), то важно не допускать поспешности с выводом о том, что государство-ответчик прямо или косвенно отказалось от требования исчерпать внутренние средства правовой защиты. Намерение отказаться от такого требования должно четко вытекать из его согласия или поведения. Упомянуть в этой связи эстоппель, пожалуй, неразумно: у государства может возникнуть нежелание искать неконфронтационных решений, если в результате оно рискует попасть в ситуацию, когда позднее, в ходе разбирательства, использование эстоппеля может быть обращено в аргумент против него. Швейцарская делегация разделяет мнение о том, что понятия добровольной связи и территориальной юрисдикции, отраженные в подпунктах (c) и (d), следует более детально рассмотреть в контексте проектов статей 10, 11 и 14 (подпункт (a)). С другой стороны, критерии необоснованной задержки и отказа в доступе, изложенные в подпунктах (e) и (f), представляются актуальными, хотя вообще-то их содержание могло бы быть охвачено подпунктом (a), надлежащим образом сформулированным.

53. Швейцарская делегация согласна с тем, что в проект статей не следует включать проект статьи 16, касающийся клаузулы Кальво. Хотя практика применения этой клаузулы имеет историческое значение, ее трудно согласовать с современной концепцией дипломатической защиты, по которой это право принадлежит не лицу, а государству.

54. **Г-н Лавалье-Вальдес** (Гватемала) говорит, что дебаты по поводу того, является норма об исчерпании внутренних средств правовой защиты процедурной нормой или материальной, можно было бы оставить для юридической литературы. В самом правовом документе нет нужды определять характер норм, в нем содержащихся. Вызывает сомнение и необходимость рассмотрения данного вопроса в комментарии. В проектах статей, возможно, и стоит изложить ситуации, в которых этот вопрос имел бы практическое значение, однако это может

привести к разрастанию проектов статей сверх разумных размеров. Одно из решений могло бы состоять в том, чтобы изложить пункт 1 статьи 10 в новой редакции, содержащей определенную ссылку на этот момент, — вставив после фразы «ущербом гражданину, будь то физическое или юридическое лицо» фразу «и независимо от того, составляет ли ущерб сам по себе нарушение международного права».

55. Немаловажным является вопрос о том, как проект статей о дипломатической защите пересекается со статьями об ответственности государств за международно-противоправные деяния, которые были приняты Комиссией на ее пятьдесят третьей сессии. В обоих текстах речь идет о вторичных нормах. По этой причине, а также потому, что проекты статей о дипломатической защите регулируют вопрос о последствиях нарушения материальных норм международного права, между дипломатической защитой и ответственностью государств налицо отношения тесной взаимосвязи, можно даже сказать — отношения части и целого. Эта связь явно прослеживается в статье 44 статей об ответственности государств, в которой излагаются два основных аспекта дипломатической защиты (гражданство и исчерпание внутренних средств правовой защиты), и в пункте 2 статьи 33, где содержится упоминание о «любом лице или образовании». Можно сказать, что Комиссия просто продолжает разрабатывать тему «Ответственность государств». Если это так, то вызывает озабоченность то обстоятельство, что некоторые важные элементы дипломатической защиты, которые не были включены в статьи об ответственности государств, не разбираются и в проектах статей о дипломатической защите и могут оказаться повисшими в пустоте. Вероятность этого прослеживается в комментарии к проекту статьи 1 и в комментариях Специального докладчика, приводимых в пункте 118 доклада Комиссии, где видно нежелание выходить за рамки рассмотрения условий, которые должны быть выполнены для допустимости дипломатической защиты.

56. Один из упускаемых при этом моментов касается связи между требованием со стороны государства, осуществляющего дипломатическую защиту, и требованием со стороны гражданина этого государства, который пользуется такой защитой. Либо в проектах статей об ответственности государств, либо в проектах статей о дипломатической защите

было бы целесообразно изложить основополагающий принцип, по которому сумма второго требования должна становиться основой (а скорее, мерой) первого, обеспечивая тем самым, чтобы требование со стороны государства, в гражданстве которого состоит потерпевший, не становилось новым требованием в адрес государства, защиту от которого желает получить потерпевший.

57. Еще один вопрос, который остается без ответа, касается положения государства-заявителя в том случае, если лицо, пользующееся дипломатической защитой, после исчерпания внутренних средств правовой защиты снимает свое требование. Этот вопрос заключается в том, будет ли государство-заявитель обязано снять свое собственное требование и что будет происходить в случаях, когда соответствующее лицо умерло, не оставив наследников. Следующий вопрос заключается в том, законно ли лицу, пользующемуся дипломатической защитой, договариваться с государством, дипломатическую защиту от которого он желает получить. В этой связи возникает третий (более важный) вопрос: законно ли этому государству выплачивать лицу компенсацию и, вообще, каково положение государства-заявителя после того, как такая компенсация выплачена, особенно в том случае, если лицо заявляет, что его претензии удовлетворены.

58. Оратор также обращает внимание и на случаи, когда требование, выдвигаемое государством от имени своих граждан, вызвано нарушением международного права, например когда соответствующее лицо подверглось пыткам со стороны сотрудников государственных органов. Будет ли государство иметь право принять контрмеры в соответствии со статьей 52 статей об ответственности государств до того, как будут исчерпаны внутренние средства правовой защиты? В заключение оратор настоятельно призывает к дальнейшему рассмотрению вопросов, которые, строго говоря, не подпадают ни под тему «Ответственность государств», ни под тему «Дипломатическая защита», и соглашается со швейцарским представителем в том, что требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты является чрезмерным, и с австрийским представителем, который подчеркнул важность учета права других государств осуществлять дипломатическую защиту.

59. **Г-н Розенсток** (Председатель Комиссии международного права) отмечает прозвучавшую в Ко-

митете озабоченность по поводу того, что Комиссия не включила в проект статей об ответственности государств положения, касающиеся урегулирования споров. Причина состоит не в том, что Комиссия отрицательно относится к урегулированию споров, а в том, что, по ее мнению, урегулирование споров — это вопрос политический, который, возможно, не имеет прямого отношения к данному тексту. Кроме того, Комиссия еще не определилась в отношении того, в какую форму будет облечен этот документ, а в некоторых из тех форм, которые рассматриваются, положения об урегулировании споров были бы неуместны.

60. Внося на рассмотрение главу IV доклада, касающуюся оговорки к международным договорам, оратор говорит, что Комиссия приняла 11 проектов основных положений о формулировании оговорок и заявлений о толковании и сообщении о них, а также сопровождающие их комментарии, в которых приводятся необходимые примеры и разъяснения. Она также рассмотрела седьмой доклад Специального докладчика (A/CN.4/526 и Add.1–3), касающийся формулирования, изменения и снятия оговорок и заявлений о толковании.

61. Проект основного положения 2.1.1 «Письменная форма» касается формы оговорок, которые согласно пункту 1 статьи 23 Венских конвенций о праве договоров 1969 и 1986 годов должны формулироваться в письменном виде, чтобы депозитарий мог их зарегистрировать и послать о них нотификации, оповестив о них тем самым все заинтересованные государства. Однако, по мнению Комиссии, вопрос о том, можно ли оговорку поначалу сформулировать в устном виде впредь до ее последующего письменного подтверждения, можно оставить открытым.

62. В проекте основного положения 2.1.2 «Форма официального подтверждения» говорится, что официальное подтверждение оговорки должно быть сделано в письменной форме. Это требование отвечает здравому смыслу, а также прослеживается в подготовительных материалах конференций, на которых были приняты Венские конвенции.

63. В проекте основного положения 2.1.3 «Формулирование оговорки на международном уровне» определяются лица и органы, которые в силу своих функций полномочны формулировать оговорку от имени государства или международной организа-

ции. Текст этого проекта, который основывается на статье 7 Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 года, отражает действующие нормы права, регулирующие данный вопрос, и соотнобразуется с прочно установившейся практикой, прежде всего практикой Генерального секретаря Организации Объединенных Наций в качестве депозитария международных договоров. Кроме того, формулировка проекта достаточно гибка, поскольку фраза «с учетом практики, которая обычно применяется в международных организациях, являющихся депозитариями договоров», допускает выработку и менее жесткого порядка.

64. Проект основного положения 2.1.4 «Отсутствие последствий на международном уровне нарушения внутренних норм, касающихся формулирования оговорок» касается формулирования оговорок во внутренней правовой системе государств и в международных организациях. Процедура формулирования оговорок на внутреннем уровне необязательно совпадает с процедурой, которая обычно требуется для выражения государством согласия на обязательность для себя международного договора. Разнообразие, которым характеризуются компетенция формулировать оговорки и порядок их формулирования в разных государствах, отмечается, судя по всему, и среди международных организаций. Из этого можно сделать только один вывод: международное право не предписывает какой-либо конкретной нормы в отношении внутренней процедуры формулирования оговорок. Кроме того, поскольку вероятность «явного» (по смыслу статьи 46 Венских конвенций) нарушения внутренних нормативных положений мала, можно сделать вывод о недопустимости ссылок государства или международной организации на то, что нарушение положений внутреннего права делает недействительной сформулированную ими оговорку, если ее формулирование было актом инстанции, компетентной это делать на международном уровне. Наконец, даже при том, что оговорка может быть в любой момент снята, ее снятие не будет иметь обратного действия. Поэтому полезность основного положения, о котором идет речь, налицо.

65. В проекте основного положения 2.1.5 «Сообщение об оговорках» перечисляются получатели оговорок, а именно договаривающиеся государства

и организации, а также другие государства и международные организации, имеющие право стать участниками договора. В этом проекте, по сути, воспроизводится норма, изложенная в пункте 1 статьи 23 Венских конвенций 1969 и 1986 годов. Сообщение должно производиться в письменной форме. Второй пункт касается особого случая оговорок к учредительным актам международных организаций. В этом случае оговорка должна быть доведена до сведения соответствующей организации или же созданного на основании договора органа, компетентного принимать оговорки. Сообщение об оговорках не исключает доведения их до сведения заинтересованных государств и международных организаций.

66. В проекте основного положения 2.1.6 «Процедура сообщения об оговорках» разъясняются различные аспекты порядка, который должен соблюдаться при сообщении об оговорках адресатам, упомянутым в проекте основного положения 2.1.5. Он касается трех разных, но тесно связанных между собой аспектов: автор сообщения, практический порядок и последствия. Текст проекта тесно следует тексту статьи 78 Венской конвенции 1969 года и статьи 79 Конвенции 1986 года, которые, в свою очередь, отражают нынешнюю практику. Комиссия сочла невозможным устанавливать жесткие сроки для препровождения оговорки государствам или международным организациям и ограничилась поэтому заявлением о том, что она должна препровождаться «в кратчайшие сроки». Наконец, в проекте учитывается наличие современных средств связи, например факсимильной связи или электронной почты, но указывается, что в случае пользования ими сообщение должно быть подтверждено дипломатической нотой или уведомлением со стороны депозитария. В этом случае сообщение считается сделанным в день направления электронного или факсимильного сообщения.

67. Проект основного положения 2.1.7 «Функции депозитариев» воспроизводит соответствующие положения пунктов 1(d) и 2 статьи 78 Венской конвенции 1986 года. Кроме того, он отражает нынешнюю и сохраняющую свою силу концепцию, по которой роль депозитария является относительно ограниченной.

68. В проекте основного положения 2.1.8 «Процедура в случае явно [недопустимых] оговорок» сделан по сравнению с Венскими конвенциями шаг

вперед в том, что касается функций депозитариев. Кроме того, он навеян и вдохновлен теми нюансами, которые прослеживались в ответах государств, прозвучавших в Шестом комитете на заданный Комиссией вопрос. В соответствии с процедурой, предусматриваемой в проекте основного положения, в случае недопустимой оговорки депозитарий сначала обращает внимание автора оговорки на ее недопустимость. Если автор оговорки на ней настаивает, депозитарий препровождает ее текст всем заинтересованным сторонам, указывая на характер возникающих в связи с ней правовых проблем. Слово «недопустимых» приведено в квадратных скобках, поскольку Комиссия намерена вернуться к этому термину по соображениям, которые изложены в комментарии к данному проекту.

69. Проект основного положения 2.4.1 «Формулирование заявлений о толковании» представляет собой адаптацию проекта основного положения 2.1.3 «Формулирование оговорок». Заявления о толковании не обязательно должны делаться в письменной форме, но должны делаться инстанцией, компетентной представлять государство или международную организацию на международном уровне.

70. В свою очередь, проект основного положения 2.4.2 «Формулирование заявления о толковании на внутреннем уровне» представляет собой адаптацию проекта основного положения 2.1.4 «Формулирование оговорок на внутреннем уровне».

71. Наконец, проект основного положения 2.4.7 «Формулирование условных заявлений о толковании и сообщение о них» построен по модели проектов основных положений 2.1.1, 2.1.2 и 2.1.5, поскольку, подобно оговоркам, условные заявления о толковании должны быть сформулированы в письменном виде. Комиссия оставила за собой возможность вернуться к вопросу о том, следует ли сохранять в Руководстве по практике проекты основных положений, касающихся условных заявлений о толковании, в том числе проект основного положения 2.4.7. Если они сходны в основном с оговорками, то об этом можно было бы сказать в одном основном положении. Более того, некоторые высказали серьезную озабоченность тем, что наличие специального положения на этот счет станет приглашением выдвигать оговорки «с черного хода». Впредь до вынесения окончательного решения Комиссия поместила проект основного положения 2.4.7 среди остальных проектов в предвари-

тельном порядке, заключив его в квадратные скобки.

72. Комиссия будет приветствовать любые комментарии по представленному тексту, и особенно по вопросу о подтверждении сообщения об оговорке, сделанного поначалу по факсимильной связи или электронной почте, а также по вопросу о возможном снятии оговорок, которые счел неприемлемыми орган, наблюдающий за соблюдением договора. Ответов на эти вопросы получено на сегодняшний день сравнительно мало. Кроме того, Комиссия будет приветствовать любые дополнительные ответы на распространенный в 1995 году вопросник относительно оговорок к международным договорам. Она не сможет учесть нужды или пожелания, о которых ей не сообщают.

73. **Г-н Винклер** (Австрия), заверяя предыдущего оратора в том, что его делегация вскоре ответит на запрос Комиссии о представлении комментариев, отмечает, что и Комиссия, и Подкомиссия по поощрению и защите прав человека занимаются рассмотрением вопроса о дипломатической защите. Его делегацию беспокоит возможное дублирование проводимой работы.

74. Выразив поддержку проекта основных положений 2.1.1 и 2.1.2, оратор говорит о неопределенности значения содержащегося в проекте основного положения 2.1.3 термина «на международном уровне» и задается вопросом о том, необходимо ли его использовать вообще. Венские конвенции не содержат такого выражения, и, как представляется, было бы неоправданно создавать новую правовую концепцию. Кроме того, он интересуется, действительно ли Комиссия намерена поставить знак равенства между высказыванием оговорок «на международном уровне» с заключением договора, что, как представляется, вытекает из основных положений, следующих за основным положением 2.1.3. Вместе с тем такое понимание не согласуется с остальной частью проекта основного положения 2.1.3. Текст статьи 7 Венских конвенций использован без учета того, что относящиеся к различным категориям органы, упоминаемые в этой статье, считаются уполномоченными по-разному: главы государств, главы правительств и министры иностранных дел считаются представляющими свое государство в целях совершения всех актов, относящихся к заключению договора, тогда как главы дипломатических представительств и представители, аккредито-

ванные государствами на международной конференции или в международной организации либо в одном из ее органов, — лишь в целях принятия текста договора. Если понимать под термином «формулирование оговорки» осуществление непосредственного юридического действия, то является весьма сомнительным, должны ли, например, представители на международных конференциях быть уполномочены на совершение такого акта.

75. Делегация Австрии полагает, что оговорка должна «формулироваться» только государственным органом, который является компетентным для заключения договора. Памятная записка Юрисконсульта Организации Объединенных Наций от 1 июля 1976 года, цитируемая в пункте 10 комментария к проекту этого основного положения, абсолютно верна, и нет никакой необходимости отступать от нее.

76. Что касается проекта основного положения 2.1.6, то его делегация настоятельно призывает Комиссию рассмотреть положение, касающееся языка, на котором должны формулироваться оговорки, даже если в пункте 22 комментария к проекту этого основного положения необходимость в таком положении отрицается. Было бы, несомненно, целесообразно предусмотреть, что оговорки — и любые заявления о толковании — должны формулироваться на одном из аутентичных языков договора.

77. Формулировка проекта основного положения 2.1.7 является не очень ясной, особенно в том, что касается функций депозитария, упоминаемых во втором абзаце. Хотя это положение, по-видимому, касается лишь возникновения любого возможного разногласия относительно обязанности депозитария изучать вопрос о том, находится ли сделанная оговорка в полном порядке и надлежащей форме, используемая формулировка подразумевает наличие более широких функций.

78. Проект основного положения 2.1.8 касается предмета, имеющего важное значение, — процедуры, которую следует применять в случаях явно недопустимых оговорок, — и связанного с вопросом о юридическом статусе неправомερных оговорок. В тексте справедливо проводится различие между абсолютной неправомερностью, когда оговорка является явно или *prima facie* неправомερной, и относительной неправомερностью, когда неправомερность

еще предстоит установить. В первом случае депозитарий должен быть уполномочен отреагировать, тогда как в последнем — правом действовать обладают лишь государства-участники. К сожалению, текст проекта основного положения четко не конкретизирует полномочий депозитария, хотя из второго абзаца можно заключить, что депозитарий уполномочен задержать препровождение оговорки другим государствам-участникам и выяснить, в качестве первого шага, реакцию сделавшего оговорку государства. Если это толкование является верным, было бы целесообразно отразить его в формулировке этого основного положения. Окончательное же решение будет зависеть от итогов работы, касающейся юридического статуса неправомερных оговорок. Тем временем проект этого основного положения следует взять в квадратные скобки.

79. Что касается проекта основных положений, предложенного Специальным докладчиком на пятьдесят четвертой сессии Комиссии, то его делегация поддерживает идею постоянного пересмотра оговорок в целях облегчения их снятия в любое время. Она приветствовала бы также возможность частичного снятия оговорок, несмотря на отсутствие такого правила в Венских конвенциях.

80. **Г-н Эренкрона** (Швеция), выступая от имени стран Северной Европы, говорит, что они по-прежнему проявляют большой интерес к этой теме и полагают, что Руководство по практике будет иметь большую практическую ценность для правительств. Хотя оговорки ни в коем случае нельзя использовать таким образом, чтобы это подрывало уважение к объекту и цели договора, возможность формулирования оговорок может играть полезную роль в обеспечении более широкого принятия того или иного договора. В то же время тенденция к сокращению числа оговорок к договорам по правам человека вызывает удовлетворение.

81. Оратор выражает озабоченность в связи с предложением о том, чтобы вопрос о недопустимых оговорках был передан рабочей группе, поскольку это неизбежно приведет к отсрочке выпуска какого-либо практического руководства. Несмотря на деликатность этого вопроса, он должен рассматриваться Специальным докладчиком на основе такого же детального и конструктивного подхода, который был проявлен им при рассмотрении других тем. Ему следует уделить этому вопросу самое приоритетное внимание. В этой связи оратор выражает

обеспокоенность стран Северной Европы наблюдающейся тенденцией к представлению оговорок, содержащих общие ссылки на внутренние правовые нормы без какого-либо дальнейшего описания этих норм. Комиссии следует внимательно рассмотреть эту проблему, особенно вопрос о том, должна или нет оговорка носить самостоятельный характер в смысле предоставления достаточной информации, позволяющей другим государствам судить о ее ожидаемых юридических последствиях. Важно, чтобы в случае установления несовместимости оговорок с объектом и целью договора против таких оговорок высказывались возражения. Стороны договора разделяют общую заинтересованность в недопущении размывания общих норм.

82. Обращаясь к вопросу о функциях депозитариев и процедуре, предложенной Комиссией в проекте основного положения 2.1.8 о явно недопустимых оговорках, он говорит, что согласен с Комиссией в том, что любая форма цензуры со стороны депозитария является недопустимой. Вместе с тем неуместно и требовать, чтобы депозитарий препровождал текст такой оговорки договаривающимся или подписавшим государствам, предварительно не обратив внимания сделавшего оговорку государства на ее пороки. Страны Северной Европы не расположены обязывать депозитария играть более широкую роль. Нет ничего, что мешало бы депозитарию, а по существу и любому договорному органу по правам человека, высказывать свое мнение в отношении оговорки сделавшему ее государству; однако никакие действия со стороны депозитария не могут изменить того, что в конечном итоге ответственность за неприкосновенность того или иного договора и защиту его объекта и цели лежит на государствах-участниках.

83. Что касается роли договорных органов по правам человека, то они способствуют защите неприкосновенности соответствующих конвенций, и было бы целесообразно, чтобы они также занимались вопросом об оговорках. Неплохой пример такого участия дает недавний доклад секретариата Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин о путях и средствах повышения оперативности в работе этого Комитета (CEDAW/C/2001/II/4), в котором содержится информационно насыщенный комментарий о практике различных договорных органов, касающейся оговорок. Страны Северной Европы выступают против недопустимых

оговорок, особенно к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Конвенции о правах ребенка. Они с удовлетворением отмечают работу в отношении оговорок, проделанную Франсуазой Хэмпсон для Подкомиссии по поощрению и защите прав человека (E/CN.4/Sub.2/1999/28), и выражают надежду на успешное завершение консультаций с ней. Страны Северной Европы хотели бы также обратить внимание на общее замечание № 24 Комитета по правам человека по вопросам, касающимся оговорок, сделанных при ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах или Факультативных протоколов к нему или при присоединении к ним. Что касается проекта основного положения, в настоящее время изъятых, о снятии оговорок, сочтенных недопустимыми органом по наблюдению за осуществлением того или иного договора, то страны Северной Европы соглашаются с Комиссией в том, что этот вопрос должен быть обсужден вновь в общем контексте недопустимых оговорок.

84. Комментируя положения пункта 4 проекта основного положения 2.1.6, оратор говорит, что страны Северной Европы высоко ценят получение сообщений по электронной почте из Организации Объединенных Наций в качестве депозитария через свои представительства в Центральных учреждениях. Вместе с тем они не видят никаких оснований для того, чтобы в качестве момента отсчета срока для представления возражений в связи с той или иной оговоркой устанавливалась дата, предшествующая дате письменного уведомления депозитария.

85. **Г-н Абраам** (Франция) говорит, что он приветствует определение оговорок, принятое Комиссией. Вместе с тем во избежание путаницы было бы также целесообразно провести четкое различие между государствами и международными организациями как авторами оговорок. Проекты основных положений 1.1.5 и 1.1.6 являются удовлетворительными по существу, однако он сомневается в том, что оба они необходимы с учетом того, что суть обоих из них сводится к разъяснению значения термина «изменить» в определении понятия оговорки в проекте основного положения 1.1. Такое же разъяснение можно найти в проекте основного положения 1.4.1 о заявлениях с целью взятия односторонних обязательств и в проекте основного положения 1.4.2 об односторонних заявлениях, на

правленных на добавление дополнительных элементов в договор. Все четыре положения подтверждают, что внесение изменения посредством оговорки неизменно ограничивает обязательства государства или организации, делающих оговорку. Поэтому проекты основных положений 1.1.5 и 1.1.6 можно было бы представить в качестве дополнительных пунктов проекта основного положения 1.1.1 об объекте оговорок.

86. Принятый Комиссией критерий для проведения различия между заявлениями о толковании и оговорками, а именно юридическое действие, на достижение которого направлено заявление, приемлем при условии, что он основывается на объективных последствиях заявления, а не на субъективных намерениях делающего его государства. Цель заявления должна сопоставляться с целью текста, к которому оно относится. Формулировка или наименование, даваемое одностороннему заявлению, о которых говорится в проекте основного положения 1.3.2, не служат надежным указанием на преследуемое юридическое действие. Оратор с удовлетворением отмечает, что Комиссия исключает критерий момента времени из своего определения заявлений о толковании. Вместе с тем в интересах юридической определенности было бы желательно, чтобы такие заявления делались в пределах ограниченного периода с даты, когда соответствующее государство впервые связывает себя обязательствами по договору.

87. Проект основного положения 1.2.1 является слишком туманным, чтобы позволить провести надежное различие между заявлением о толковании и условным заявлением о толковании. Последнее, согласно определению Комиссии, представляет собой всего лишь оговорку, которая подчеркивает неразрывную связь между обязательством по договору и сделанной к нему оговоркой. Вместо выделения таких заявлений в отдельную категорию их следует попросту приравнять к оговоркам.

88. В своей работе Специальный докладчик и Комиссия подняли непростой вопрос о последствиях на международном уровне нарушения положений внутреннего права, касающихся формулирования оговорок. Оратор одобряет решение, предлагаемое в проекте основного положения 2.1.4, отдавая ему предпочтение перед вариантом, основывающимся на положении статьи 46 Венской конвенции 1969 года, которое позволяет объявить оговорку не-

действительной в случаях, если нарушение было явным и носило серьезный характер. Поскольку государство всегда может снять оговорку, это положение ставило бы сделавшее оговорку государство в ситуацию, в которой оно могло бы ретроактивно требовать от других сторон придания силы, по отношению к нему самому, положению договора, которое является предметом оговорки. Оснований в действующем законодательстве для этого не имеется.

89. Переходя к функциям депозитариев, оратор соглашается с предлагаемым в проектах основных положений 1.1.6 и 2.1.7 акцентом на чисто административной роли депозитария. Вместе с тем, согласно проекту основного положения 2.1.8, от депозитария может потребоваться также проведение оценки допустимости оговорок. Это — функция, не присущая депозитарию, задачи которого должны ограничиваться регистрацией и препровождением оговорок, даже тех, которые являются явно неправомерными.

90. Что касается периодического пересмотра полезности оговорок (проект основного положения 2.5.3), то, хотя он в целом и одобрен Комиссией, оратор сомневается в том, что его следует включать в руководство, в котором должны быть сведены правовые нормы, регламентирующие определение оговорок, порядок их представления и их действие.

91. Касаясь вопроса о последствиях вынесения органом по наблюдению определения о том, что оговорка является недопустимой (проект основного положения 2.5.Х), он говорит, что вынесение такого определения может сделать оговорку недействительной, однако не может обусловить ее снятие или отмену. Автор оговорки может снять ее, как предусматривается в проекте основного положения, однако существует также и возможность отказа от нее, не упоминаемая в тексте. Кроме того, неясно, могут ли государства — участники договора ретроактивно потребовать, чтобы сделавшее оговорку государство выполняло в своих отношениях с ними договорное обязательство, являющееся предметом оговорки. Эти пункты требуют дальнейшего осмысления.

92. Касаясь вопроса о международной ответственности в случае ущерба от трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов дея-

тельности, оратор приветствует тот факт, что Рабочая группа ограничила сферу своего исследования вопросом о компенсации за причиненный ущерб. Рамки исследования не следует расширять дальше, равно как не следует заниматься и вопросами ответственности государств за невыполнение своих обязанностей по предотвращению. Поскольку ответственность за противоправные действия охватывается статьями, уже принятыми Комиссией, нынешнее исследование ограничивается вопросом о том, существует ли обязанность предоставления компенсации за ущерб, причиненный в результате правомерных опасных видов деятельности государствами, которые фактически выполнили свою обязанность по предотвращению. Вместе с тем является далеко не очевидным, что такая обязанность существует в действующем праве. Любая ответственность государства в таких случаях может носить лишь вторичный характер по отношению к ответственности соответствующего оператора. Комиссии следует обратить внимание на мнения государств, которые не расположены принимать какую-либо форму ответственности, не вытекающей из нарушения юридического обязательства.

93. **Г-н Сенази** (Венгрия) поддерживает мнение о том, что правом требовать применения дипломатической защиты обладает государство, а не потерпевшее лицо. Следует внимательнейшим образом рассмотреть вопрос о возможности правовой регламентации этой концепции. Одна из существенных проблем заключается в сложности исчерпания местных средств правовой защиты. Вопрос о том, были ли они действительно исчерпаны в конкретных случаях или их применение было попросту блокировано соответствующим государством, подлежит дальнейшему изучению, равно как и вопросы о гражданстве и множественном гражданстве и дипломатической защите неграждан, лиц без гражданства и беженцев.

94. Касаясь темы оговорок к договорам, оратор подчеркивает, что Венская конвенция 1969 года требует, чтобы договоры заключались в письменной форме, и такое же правило должно применяться и в отношении оговорок во избежание любых споров относительно рамок соответствующих юридических обязательств. Кроме того, оговорки должны делаться и приниматься лишь лицами, надлежащим образом уполномоченными соответствующим государством осуществлять обязанности по междуна-

родному договору. В этом плане он соглашается с мнением, выраженным Специальным докладчиком. Он может согласиться с процедурой, предложенной в проекте основного положения 2.1.9 в отношении явно недопустимых оговорок, при условии, что будет дано четкое и убедительное определение того, какого рода оговорка считается явно недопустимой. Роль депозитария не должна ограничиваться функциями своего рода «почтового ящика»; вместе с тем депозитарию не следует предоставлять и слишком широкой свободы действий в вопросах определения того, является ли та или иная оговорка недопустимой, — это почти в исключительном порядке относится к функциям государств — участников договора. Этот же принцип следует применять и в отношении заявлений о толковании.

Заседание закрывается в 13 ч. 10 м.